

Вольтер в советских фондах

Изучение творчества Вольтера длится уже свыше двух веков. Вольтеру, сотням частных его жизни, художественной и научной продукции, политическим позициям и идейному влиянию посвящены буквально тысячи работ.

Только за столетие (1825–1925) далеко не исчерпывающая библиография М.-М. Barr¹ насчитывает почти полторы тысячи названий литературы о Вольтере (без статей о нем, включенных и бесчисленные издания произведений Вольтера); в одном из продолжений этой библиографии за десятилетие (1930–1940) учтено 356 трудов². Естественно, что на этом участке знаний давно пройдены стадии как первоначального накопления материала, так и первичного его упорядочения; не было недостатка и в обобщающих трудах. По десяткам вопросов вольтероведения: об отношении Вольтера к церкви и к атеизму, о его концепции природы и о пропаганде новой механики, о его позиции по отношению к тем или иным политическим системам и к деятелям, их воплощавшим, о драматургических теориях и о новаторстве в повествовательных жанрах, о степени солидарности Вольтера с физиократами и о движущих пружинах в борьбе с феодально-абсолютистской административной системой – словом, едва ли не по всем решающим вопросам современный исследователь имеет возможность опереться на солидную работу ряда предшественников. Но, казалось бы, застрахованный от нежелательных результатов кустарной работы, исследователь Вольтера в середине XX века все же оказывается перед специфическими трудностями двоякого порядка.

Исключительной полемической насыщенностью, свойственной любому выступлению защитника Каласов и гонителя Фрелона, объясняется одно из своеобразных свойств посвящаемой ему литературы.

Но не только публицистической окрашенностью характеризуется вольтеровская литература, а, разумеется, и самым уровнем изученности материала. Мы имеем в виду не методологическую несостоятельность тех или иных концепций, но такое поразительное при обилии трудов о Вольтере обстоятельство, как отсутствие необходимых предпосылок, которыми мы располагаем для обобщающих работ о любом другом классическом авторе.

¹ Barr Mary-Margaret H. A century of Voltaire study. A bibliography of writings on Voltaire, 1825–1925. New York, 1929. Включает литературу только на французском, английском, немецком и итальянском языках, с незначительными добавлениями голландской и скандинавской, в числе 1494 номеров (изредка дублирующих друг друга).

² Barr Mary-Margaret H. Bibliographical data on Voltaire from 1931 to 1940 // Modern Language Notes. 1941. Vol. 61, № 8, Dec. Под тем же названием первое продолжение указанной в первой сноске работы за 1926–1930 гг. помещено в том же журнале (1933, May).

Так, со времени издания последнего полного собрания сочинений Вольтера под редакцией Луи Молана³ прошло уже свыше 60 лет, но мы и до сих пор не имеем того, что можно было бы назвать академическим или даже просто критическим изданием текста Вольтера. Одни только неизвестные письма Вольтера за это время всплывали тысячами, а сколько сотен «известных» оказались искаженными до неузнаваемости, когда обнаружались их подлинники! Не случайно поэтому именно за последние годы выходят безупречные в текстологическом отношении издания отдельных произведений Вольтера. Если в 1909–1918 годы было событием в этом отношении появление «Английских писем» в критическом издании Лансона⁴, то только за 1935–1938 годы критических издателей текста в лице Нава, Джонса, Кроули, Патерсона, Каркассони нашли не только сравнительно небольшие по объему тексты как «Храм Вкуса», «Поэма о естественном законе», но и роман «Наивный», «Трактат о Метафизике» и даже «Философский словарь»⁵.

Еще больший срок – около 80 лет – отделяет нас от времени составления чрезвычайно полезной работы биографического порядка – восьмитомника Денуартера «Вольтер и французское общество XVIII века»⁶.

Но располагает ли современная наука хоть каким-либо биографическим справочником вроде «Летописи жизни», «Трудов и дней» Вольтера, пусть даже всего за какое-либо десятилетие его долгой жизни? Нет, подобных пособий мы лишены. Предельно полной является библиография изданий сочинений Вольтера, составленная Банжеско⁷. К этому капитальному труду за полвека оказалось возможным внести весьма немногие уточнения; но, захотев обозреть грандиозную литературу о Вольтере, оказываешься вынужденным исходить только из

³ Voltaire. Oeuvres complètes : 52 t. Paris : Garnier Frères, 1877–1885. Цитируется обычно по имени редактора: Louis Moland.

⁴ Lanson, Gustave, éd. Lettres Philosophiques de Voltaire : 3 t., Paris, 1909–1918 (Société des textes français modernes).

⁵ Dictionnaire philosophique, comprenant les 118 articles parus sous ce titre de vivant de Voltaire, avec leurs suppléments parus dans les Questions sur l'Encyclopédie. Avec introduction, variantes et notes par Julien Benda, texte établi par Raymond Naves : 2 t. Paris : Garnier Frères, 1935–1936 ; L'ingénu de Voltaire. Edition critique avec commentaires de William Richmond Jones. Paris : Droz, 1936; Patterson H., ed. Temple. Critical édition of Voltaire's Traité de metaphysique. Manchester (England): Manchester University Press, 1937; Le Temple du Goût. Edition critique [de E. Carcassonne]. Paris : Droz, 1938 (Société des textes français modernes); Crowley F. J. Critical edition of Voltaire's Poème sur la loi naturelle. Cal. Berkeley: University of California Press, 1938 (Publications of the University of California at Los-Angeles in Languages and literatures, vol. 1, № 4). Кроули пользовался найденным им в Готе экземпляром рукописи, тогда как Хавенс ранее нашел рукопись этой поэмы в Ленинграде; ср. рецензию N. L. Torgue на только что названное издание Crowley (The Romanic Review. 1940. Vol. 31, Apr., № 2. P. 183).

⁶ Desnoiresterres, Gustave. Voltaire et la société des textes français societe au XVIII siècle : 8 t. Paris, 1867–1875; изд. 2-е, 1877. Отсутствие каких-либо указателей особенно ощутительно при исключительном обилии материала.

⁷ Bengesco, Georges. Voltaire. Bibliographie de ses oeuvres : 4 t. Paris, 1882–1890. Ср. между прочим: Crowley Français. Corrections and additions to Bengesco's Bibliographie // Modern Language Notes. 1935. Vol. 50, № 7, Nov. P. 440 suiv. (14 исправлений).

уже названной библиографии М.-М. Вагг – работы добросовестной и серьезной, но отвечающей нуждам высшей школы и самообразования больше, нежели исследовательским целям, и существенно неполной⁸.

Наконец, картину завершает состояние учета рукописного наследия. Археографические или текстологические введения к изданиям определенных вольтеровских текстов чаще всего отсутствуют, и мы не знаем ни обобщающего обзора рукописного наследия, ни учета вольтеровских фондов хотя бы отдельной страны или даже библиотеки или архива. Исключением является здесь СССР. Еще в 1913 году Фернаном Косси была издана – в свою очередь небезупречная – инвентарная опись рукописей библиотеки Вольтера и вольтеровских текстов Рукописного отделения Публичной библиотеки⁹, и в недавние годы была сделана попытка составить обзор вольтеровских рукописей в советских фондах¹⁰.

При таком положении дел очевидно, что предпосылками плодотворной и надежной разработки любых общих исследовательских проблем должны быть: 1) значительное усовершенствование вспомогательного научного аппарата с доведением его до уровня, отвечающего современным научным требованиям; и 2) освоение и включение в научный оборот полностью всей неопубликованной документации, т. е. углубленное изучение и обнародование материалов архивов, библиотек и других рукописных собраний. Нет нужды подчеркивать, что обе стороны этой единой задачи взаимно обусловлены, и каждая из них может успешно разрабатываться лишь при параллельном разрешении другой.

Каково же в свете этих соображений значение вольтеровских фондов нашей страны?

СССР располагает ценнейшей частью вольтеровского архивно-литературного наследия. Как ни любопытны отдельные материалы различных советских и зарубежных собраний, значение их тускнеет перед личной Библиотекой Вольтера, хранящейся в Ленинграде, в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. В совокупности же своей советские материалы являются весьма важными источниками для разработки разнообразнейших вопросов вольтероведения. Здесь немало прежде неизвестных текстов, частично впервые увидевших свет за последние годы, частично же лишь подготовленных к изданию или даже ожидающих вовлечения в обиход науки.

Документы эти имеют прежде всего значительную текстологическую и биографическую ценность и уже тем самым важны для осуществления той за-

⁸ Формальное построение при отсутствии аннотаций и предметного указателя не дает возможности пользоваться этой библиографией при подборе литературы для многих общих тем, например в области взаимных влияний, истории распространения вольтерианства и т. п.

⁹ Causey, Fernand. Inventaire des manuscrits de la Bibliothèque de Voltaire conservée à la Bibliothèque Impériale de St.-Petersbourg (Nouvelles Archives des Missions Scientifiques, Nouvelle Serie, fasc. 7). Paris, 1913 (издано также в виде оттиска).

¹⁰ Раздел IV «Вольтеровские материалы в советских собраниях», подготовленный нами при содействии редакции «Литературного наследия», в публикации: Люблинский В. С. Наследство Вольтера в СССР // Лит. наследство. М., 1937. Т. 1 : Русская культура и Франция, кн. 29–30. С. 165–200.

дачи научного вольтероведения, которую мы только что называли. Но, кроме того, они обогащают новым материалом исследования, связанные с изучением мировоззрения и литературной, научной и общественной деятельности Вольтера, и, следовательно, имеют уже не только вспомогательное значение, но должны стать неотъемлемым элементом научных построений – теоретических обобщений.

Ознакомление ученых, как русских так и зарубежных, с содержанием Библиотеки Вольтера в дореволюционные годы было совершенно недостаточным. Естественным следствием этой недостаточной изученности фонда являлись ничтожное его использование историками и литературоведами и подчас анекдотическая неосведомленность о нем даже таких авторов, как В. С. Иконников¹¹ или Н. Г. Устрялов¹², не говоря уже о соотечественниках Вольтера.

Начало надлежащей научной разработке этого фонда было положено лишь в советский период. Принятый 23 года назад в 1924 году, под руководством тогдашнего директора Публичной библиотеки академика Н. Я. Марра, курс на всемерное расширение научного исследования фондов Библиотеки не мог не коснуться и такого замечательного сокровища, каким являлась Библиотека Вольтера; начало ее изучения силами работников Библиотеки датируется 1926 годом. За 1927–1940 годы исследователи, работая над фондами Библиотеки¹³, внесли много значительных уточнений относительно состава Библиотеки Вольтера, посвятили ей несколько работ и опубликовали ряд ее материалов, которые привлекли к ней внимание.

В работах советских авторов – К. Н. Державина¹⁴, Д. П. Якубовича¹⁵, В. С. Люблинского¹⁶, П. С. Попова¹⁷, А. И. Андреева¹⁸ на материалах вольте-

¹¹ Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1. С. 772 и 781–841.

¹² Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб. Т. 1. С. XI. Устрялов сожалел о безвозвратной утере для науки материалов, за сто лет до его работы посланных И. И. Шуваловым Вольтеру, но в действительности уже около 80 лет, вместе с Библиотекой Вольтера, пребывавших в Петербурге в полной сохранности.

¹³ Наряду с советскими исследователями над этими фондами работали американские авторы. См.:

Havens, George R. and Torrey, Norman L. The private library of Voltaire at Leningrad : repr. // Publications of the Modern Language Association of America. 1928. Vol. 43, № 4, Dec. P. 990–1009; Voltaire's library // Fortnightly Review. 1929. Sept.; The books of Voltaire : a selected list // Modern Philology. 1929. Vol. 27, № 1, Aug.

Havens, George R. Voltaire's marginal comments upon Pope's Essay on Man // Modern Language Notes. 1928. Vol. 43, № 7, Nov. P. 429–439; Voltaire's pessimistic revision of his Poème sur le désastre de Lisbonne // Modern Language Notes. 1929. Vol. 44, № 8, Dec. P. 439–492.

Torrey, Norman L. A note on Voltaire's Commentaire Historique // Modern Language Notes. 1928. Vol. 43, № 7, Nov. P. 439–442.

Wade, Ira and Torrey, Norman L. Voltaire et Pollier de Bottens // The Romanic Review. 1940. Vol. 30, № 2, Apr. P. 147 suiv.

¹⁴ Державин К. Н. Вольтер – читатель «Эмиля» Руссо // Известия Академии наук. 1932. VII серия. Отделение общественных наук. № 4. С. 317–339.

ровской Библиотеки был разрешен ряд существенных вопросов историко-литературного и историографического порядка.

На основании изолированного автографа Вольтера, обнаруженного в Пушкинском Доме Академии Наук среди так называемых «бумаг опеки», нам удалось, между прочим, установить, что библиотека, купленная Екатериной II после смерти Вольтера, не была только *фернейской* библиотекой, т. е. служила Вольтеру не только в 1756–1778 годах, но содержала элементы книжных собраний, которыми писатель пользовался в различные более ранние периоды жизни¹⁹.

Авторская правка на экземплярах книг этой библиотеки позволяет нам окончательно решать полуторавековые споры о принадлежности Вольтеру некоторых произведений. Так, автором «Истории установления христианства» можно теперь с уверенностью считать Вольтера²⁰, тогда как автором «Исторического комментария» (важнейшего, якобы автобиографического, источника) считать его более нельзя²¹; здесь не приходится уже оспаривать авторство

¹⁵ Якубович Д. П. Пушкин в Библиотеке Вольтера // Лит. наследство. 1934, № 16/18. С. 905–922.

¹⁶ Люблинский В. С. Наследство Вольтера в СССР // Лит. наследство. М., 1937. Т. 1 : Русская культура и Франция, кн. 29–30. С. 165–200; См. также: New Material on Voltaire in the U. S. S. R. // Soviet Culture Review. М. 1934. № 3/4. С. 76–78, и переводы той же заметки в параллельных номерах журналов: «Soviet-Kultur im Aufbau» и «Les Nouvelles soviétiques»; Quelques documents inédits de la Bibliothèque de Voltaire // La Littérature Internationale. 1941. № 2. Р. 51–60; Из неизданной переписки Вольтера // Звезда. Л., 1944. № 7/8. С. 183–185; Библиотека Вольтера // Ист. журн. М., 1945. № 1/2. С. 84–88 и несколько мелких заметок.

¹⁷ П. С. Попов, изучая один из автографов Пушкина, принадлежащий Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина, выяснил, что этот автограф – прямой результат занятий Пушкина в Библиотеке Вольтера. Это – перечень дат жизни Петра I, как нами было установлено, непосредственно списанный Пушкиным с листов 302–311 первого тома «Рукописей, относящихся к истории России при Петре Великом». Ср.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. Л., 1938. Т. 10. С. 443–455, 488 сл. и 492–502.

¹⁸ Андреев А. И. Неизвестные труды Ломоносова // Ломоносов : сб. ст. и материалов / под ред. А. И. Андреева и Л. В. Модзалевского. М. ; Л., 1940. С. 297–301 (Труды Комиссии по истории Академии наук). Гипотезу об авторстве Ломоносова в отношении якобы неизвестной рукописи из Библиотеки Вольтера (на л. 373–377 II тома «Рукописей», № 242) – о лопарях и самоедах – следует приписать недосмотру, так как это сочинение было дважды издано в XVIII в. (в 1762 г. без обозначения места издания и в 1766 г. – в Копенгагене), под заглавием «Memoire sur les Samojèdes et les Lapons», причем имя автора – Мерцана фон Клингштедта (Timothée Mersahn Klingstoed de Bahrtdt en Poméranie) приведено еще в известном словаре анонимов Barbier (т. III, 1, р. 176). (Было замечено в 1940 г. покойной Д. С. Крым).

¹⁹ Люблинский В. С. Неизвестный автограф Вольтера в бумагах Пушкина // Пушкин. Временник Пушкин. комиссии АН СССР. Л., 1936. Вып. 2. С. 257–265.

²⁰ Вопреки сомнениям, начиная от Бешо и вплоть до статьи: Edme Champion. Avis aux futurs éditeurs de Voltaire (La Revolution Française. 1912. Т. 163. Р. 288), авторство Вольтера подтверждается листами 34–114 XIII тома общей серии рукописей Библиотеки Вольтера, ибо там гранки, листовая рукопись (писца) с поправками Вольтера и его автограф составляют единый текст этого сочинения, продолжая друг друга.

²¹ В пользу этого взгляда выступил еще в 1924 г. О. Л. Вайнштейн (Veinstein J. Fragment inédit sur Voltaire // Журн. науч.-исслед. кафедр в Одессе. 1924. Т. 1, № 7. С. 45–50) на осно-

Ваньера, равно как относительно «Предохранительного средства» не приходится более оспаривать авторство Ламарра.

Обширные части личного архива Вольтера, хранящиеся, главным образом, в его библиотеке, восстанавливают целую галерею неизвестных прежде корреспондентов писателя, обогащают изданную его переписку десятками новых писем, позволяют вводить сотни существенных исправлений в датировки, адреса и в самый текст прежде известных писем. Они не только дорисовывают облик «фернейского злого крикуна», восторженного корреспондента Северной Семирамиды, но проливают свет на творческую историю отдельных научных и художественных его произведений.

Рукописи, находящиеся в Библиотеке Вольтера, привлекали к себе больше внимания исследователей, нежели книги. Однако публикация так называемого «Бастильского дела» Вольтера Леузон ле Дюком в 1867 году,²² равно как и описание всех вольтеровских рукописей Ф. Косси в 1913 году не могут быть признаны удовлетворительными и затрудняют понимание некоторых наиболее существенных документов.

Ограничимся несколькими примерами, тем более, что без чрезмерного загромождения нашего изложения повторять сейчас детальную характеристику рукописной части нашего вольтеровского фонда, данную нами в другом месте²³, невозможно.

Так, прежде всего, «Бастильские бумаги» оказываются вовсе не портфелем Вольтера, захваченным при его аресте, и отнюдь не следственным делом, заведенным при его заключении в Бастилию, но полицейским «досье», сохранившиеся разрозненные части которого относятся не ко времени заключения, а к более поздним датам; причем, вероятно, подобравший их 15 июля 1789 года в бастильском рву П. П. Дубровский²⁴ объединил с ними кое-какие вольтеровские документы иного происхождения. Немало тут обнаруживается неожиданного. Косси почему-то описывает эти бумаги не по подлинникам (хотя ими

вании экземпляра «Исторического комментария» из Воронцовского собрания, в Одессе с приписками Вольтера. Но экземпляры вольтеровской библиотеки, снабженные еще более обильными его приписками, позволяют решать этот вопрос гораздо определеннее, о чем см. главу «О текстологическом значении „Заметок“ Ваньера» в диссертации: Люблинский В. С. Вольтеровские фонды Ленинграда. Л., 1947. Т. 1.

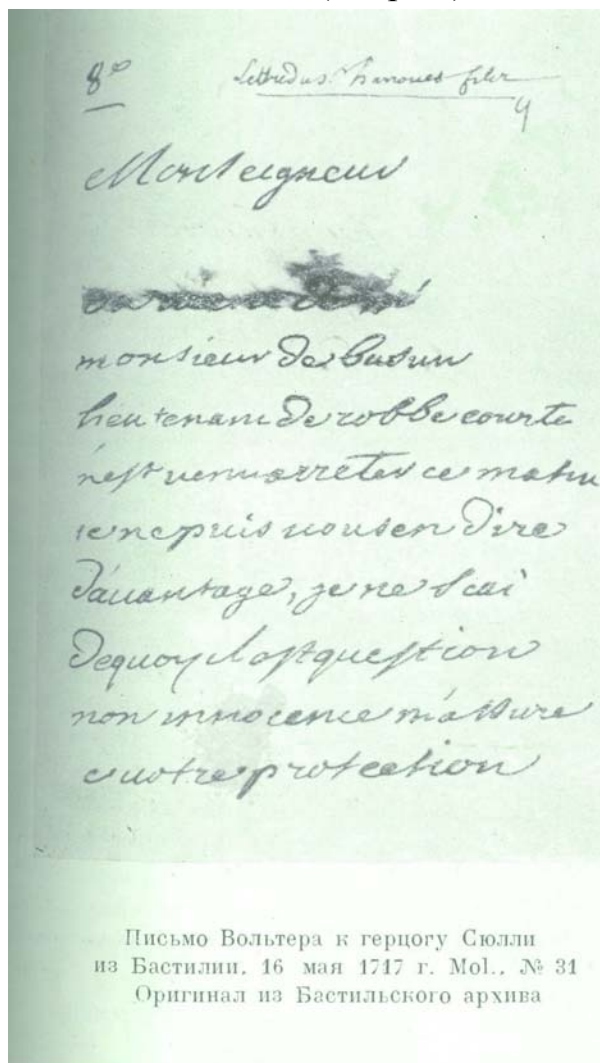
²² Léouzon, le Duc. Voltaire et la police, dossier recueilli à Saint-Petersbourg parmi les manuscrits français originaux enlevés à la Bastille en 1789, avec une introduction sur le nombre et l'importance des dits manuscrits et un essai sur la Bibliothèque de Voltaire. Paris, 1867. Ср. его же: Etudes sur la Russie et le Nord de l'Europe (Paris, 1853) и Rapport sur les papiers de Voltaire conservé dans la Bibliothèque impériale et dans celle de l'Ermitage de Saint-Petersbourg // Archives des Missions Scientifiques et Littéraires. Paris, 1850. Vol. 1. P. 40–41.

²³ Люблинский В. С. Наследство Вольтера в СССР // Лит. наследство. М., 1937. Т. 1 : Русская культура и Франция, кн. 29–30. С. 165–200; Люблинский В. С. Вольтеровские фонды Ленинграда. Л., 1947. Т. 1.

²⁴ О происхождении этого фонда см. в статьях А. Д. Люблинской: Les documents littéraires de la Bastille // La littérature international. 1939. № 6. P. 79–86; Западные рукописи в Ленинградской Публичной библиотеке // Совет. наука. 1940. № 9. С. 96–107; Рукописи Западного средневековья и эпохи Французской буржуазной революции // Ист. журн. 1939. № 6.

пользовался), а по копиям, изготовленным в Публичной библиотеке, по-видимому, по заказу А. Я. Лобанова-Ростовского для издателя сочинений Вольтера – Бешо (Beuchot). От внимания Косси ускользнуло, что сенсационнейшее письмо Вольтера к начальнику полиции с доносом на подпольную книготорговлю, составлявшее гвоздь публикации Леузона, как в подлиннике так и в копии имеет совсем не тот вид, какой ему придали его издатели.

Со времени издания Бешо (т. е. с 20-х годов XIX века) биографы Вольтера цитируют записку юного Аруэ к герцогу Сюлли, написанную им сразу после того, как он был ввергнут в Бастилию, и строят догадки о том, почему именно герцог не реагировал на нее. Но ведь записка была издана именно по подлиннику Публичной библиотеки, т. е. по экземпляру, поступившему вовсе не от Сюлли, а из полицейской канцелярии бастильского начальства. Неужели же герцог, получивший записку, вернул ее? Приходится убедиться, что тюремщики попросту отобрали у Аруэ его *p r o e k t* письма к Сюлли (неряшливый вид и отсутствие подписи тоже склоняют нас к этому определению) и что до адресата письмо вовсе не доходило (см. рис.).

Письмо Вольтера к герцогу Сюлли
из Бастилии. 16 мая 1717 г. Мол., № 31
Оригинал из Бастильского архива

Если этими соображениями отчасти опорачивается 120-летняя традиция, то нередко решительного пересмотра требуют и значительно позднее сформулированные воззрения. Публикуя в 1931 году письмо Вольтера от 1762 года, поступившее в рукописное отделение Государственной Публичной библиотеки после Великой Октябрьской революции, Патуйе (Patouillet) раскрыл его адресата как некоего Строганова²⁵. Обращение «Mon cher géant» дает основание отвергнуть это приурочение и позволяет видеть в получателе письма вполне реальную фигуру – женева Франсуа-Пьера Пикте (Fictet). Но дело не в самом этом уточнении, а в том, что в связи с ним разворачивается любопытнейшая глава начала сношений Вольтера с императрицей Екатериной II; что фигура Пикте (авантюриста и прожектера, а отнюдь не секретаря императрицы, как его донныне величают на его родине) вырисовывается в новом свете и что к тому же знаменитая реплика в «Journal Encyclopédique» от 1 ноября 1762

²⁵ Flamin F. B. Patouillet. Lettres inédites ou négligées de Voltaire ayant trait à son rapport avec L'Etranger // Revue de Littérature Comparée. 1931. № 2. P. 271.

года о петербургском перевороте 28 июня оказывается письмом Пикте к Вольтеру, что ускользнуло в равной мере от всех издателей переписки Вольтера и от историков, изучавших Россию XVIII века, в частности – от специально занимавшихся этим источником П. Бартенева и Бильбасова²⁶.

Третий пример еще нагляднее демонстрирует то, как вновь привлекаемые документы советских вольтеровских фондов преобразуют привычные наши воззрения. Еще Косси определил несколько разрозненных листков в одном из томов рукописей Вольтера как письма Жакоба Верне. Стоило расшифровать ужасающий почерк этого женевского пастора и эрудита-историка, чтобы сразу выяснилось, что эти листки были перепутаны при переплете и в совокупности составляют небольшую серию писем Верне к Вольтеру, сплошь посвященную одному из главнейших моментов в создании бессмертного вольтеровского «Опыта о нравах». В них содержится немалое число компетентных редакционных поправок, что и само по себе заслуживало бы внимания. Но стоило приглядеться к такой детали, как подчеркивание некоторых фраз и выражений в отдельных письмах, – и обозначилась совершенно новая перспектива: оказалось возможным проследить неожиданные связи этой почтительнейшей ученой переписки 1754 года по поводу историко-философского трактата с комичнейшими перипетиями бурлесков следующего десятилетия и с ожесточением иступленной публицистической схватки 1767–1768 годов. Но наш горизонт еще шире – таковы уж неистощимые ресурсы библиотеки Вольтера! – ибо эта же перспектива приводит в наши дни к открытию заново двух писем Вольтера, напечатанных еще в 1767 году, но с тех пор оставшихся не замеченными ни одним из издателей или исследователей.

Несомненно, немало сюрпризов – и не только в сфере вольтероведения – таят также и совершенно недостаточно изученные обильные «Материалы для истории России в царствование Петра Великого», по большей части пересланные Вольтеру из Санкт-Петербурга Академией наук; среди них имеется и неопубликованная переписка петровских времен. Если не считать совершенно изолированного факта занятий над ними Пушкина (бывшего, кстати, едва ли не единственным русским читателем библиотеки Вольтера за всю первую половину XIX века)²⁷, то систематически ими занимался только Е. П. Шмурло. Но его труды не пошли дальше обследования элементов фонда и сопоставления использованных и отвергнутых Вольтером русских материалов. Работы Шмурло отнюдь не исчерпали этой части сокровищ вольтеровской библиотеки ни для истории России, ни для вопроса о Вольтере как историке или даже как историке Петра I.

Закономерен вопрос – каков же чисто литературоведческий вес этого фонда или хотя бы его рукописной части?

²⁶ Несмотря на появившиеся в 1937 и 1938 гг. три журнальные статьи Georg Sacke, в которых он на основании косвенных выводов пришел к близким заключениям, приоритет советской науки в этом вопросе бесспорен, так как наша работа над значением переписки Пикте относится к 1932 г.

²⁷ Якубович Д. П. Указ. соч.; Попов П. С. Указ. соч.

Конечно, было бы наивным ожидать здесь собрание авторских черновиков или хотя бы правленных писарских списков «Генриады», «Заирь», «Орлеанской девственницы», «Кандида» или «Задига». Таковых мы не знаем; однако в Ленинграде хранятся списки нескольких трагедий и комедий с правкой, несомненно сделанной для переиздания в 1778 году (т. е. перед самой смертью автора) и донныне неиспользованной. Исключительно значение сохранившихся вместе с библиотекой Вольтера «Заметок и исправлений», составленных по заданию Екатерины II секретарем Вольтера Ваньером, разметившим в значительной части посмертного полного собрания сочинений Вольтера все внесенные автором варианты и засвидетельствовавшим подлинность или подложность отдельных произведений, их точную дату и пр.²⁸

Но если и здесь интерес материала преимущественно текстологический, то опубликованные нами в 1937 году два текста вводят в круг более широких историко-литературных интересов. Это – «Посвящение» трагедии «Олимпия» И. И. Шувалову и фрагмент первоначального замысла трагедии «Дон-Педро». Казалось бы, трудно прибавить что-либо новое к многократным и не вполне однородным высказываниям автора «Альзиры» и «Магомета» о принципах классической трагедии. Эти высказывания несчетное число раз подвергались сводкам, сопоставлениям, интерпретациям. Едва ли не наивысший теоретический интерес вызывает вопрос о так называемом *шекспиризме* Вольтера, и не случайно уже называвшаяся библиография Вагт знает свыше трех десятков работ, специально посвященных проблеме «Вольтер и Шекспир». И, однако, без риска преувеличения можно утверждать, что ни один из известных вольтеровских манифестов об искусстве трагедии (и ни одно из брошенных им вскользь метких замечаний) не освещает этот вопрос так ярко и всесторонне, как именно «Посвящение Олимпии». Вместе с тем в «Посвящении» проявляется позиция Вольтера в вопросах сценичности спектакля вообще. Второй из текстов – фрагмент первоначального замысла трагедии «Дон-Педро» – представляет собою попытку написать трагедию не каноническим александрийским стихом, а вольным размером, т. е. является крайне дерзким экспериментом, который сам Вольтер тщательно скрывал и о котором без ленинградской рукописи мы бы и донныне не подозревали.

Было бы, однако, ошибочным видеть именно в рукописных материалах наиболее ценную часть этого фонда. Библиотека Вольтера как книжное собрание представляет для исследователя несравненно больший интерес, нежели может показаться с первого взгляда. Перед нами не просто богатое собрание книг, но полностью и отлично сохранившийся научный аппарат чрезвычайно плодови-

²⁸ Ср. примеч: Люблинский В. С. Наследство Вольтера в СССР // Лит. наследство. М., 1937. Т. 1 : Русская культура и Франция, кн. 29–30. С. 165–200 ; Veinstein J. Fragment inédit sur Voltaire // Журнал науч.-исслед. кафедр в Одессе». 1924. Т. 1, № 7. С. 45–50. Самостоятельный (вне изучения Вольтера) интерес представляет дошедший до нас единственно через эту тетрадку Вольтера донныне неизвестный, но, несомненно, подлинный текст любопытного источника по истории фронды – письма принца Конде к Христине Шведской, имеющий появиться в одном из ближайших выпусков «Исторических записок» Академии наук СССР.

того писателя, прекрасно умевшего документировать свои разностороннейшие выступления, ненасытного читателя, жадного до всякой литературной новинки своего времени, столь насыщенного общественной и идейной борьбой. Не забудем, что не случайна вольтеровская формулировка: «Человек рожден для действия точно так же, как огню свойственно стремиться вверх, а камню вниз. Не быть занятым и вовсе не существовать – для человека это одно и то же». Неистощимость активности Вольтера общеизвестна, но всегда ли мы даем себе отчет, что в ней – при всей живости темперамента, искрометности выражений, игривости ума, импульсивности поведения – преобладало нетерпеливое и напряженное трудолюбие подлинного человека науки, всегда ли мы достаточно учитывали, сколь большая доля ежедневного труда Вольтера протекала именно среди книг его библиотеки? Образы театральных триумфов в Париже и любительских спектаклей в Делис, ужины в Сан-Суси, дворцовые приемы и шахматные партии, салон маркизы дю Шатле и мастерские фернейских колонистов заслоняют ту обстановку, среди которой протекал ревниво оберегаемый и размеренный, но самозабвенный труд автора словарей и памфлетов, трактатов и басен, романов и трагедий, поэм и тяжёбных документов, литературных манифестов и нескончаемого каскада писем. Мы хорошо знаем, что Вольтер сочинял и диктовал всюду – на прогулке, за столом, в постели, но это не должно вводить нас в заблуждение относительно основного рабочего места – среди книг.

Наличие в библиотеке Вольтера тех или иных изданий XVIII века уже не раз послужило – и по мере более углубленного изучения ее состава будет служить и впредь – к установлению подлинных источников отдельных образов, воззрений, сведений, усвоенных и творчески использованных Вольтером. Арабские и китайские темы в его научной и художественной продукции, этнографические и лингвистические его интересы, библейская экзегеза и феодальное право – только наиболее рельефные тому примеры. Совсем недавно, осенью 1944 года, Л. С. Гордоном был представлен Ленинградскому университету весьма содержательный анализ «Кандида», парагвайский эпизод в котором оказался теснейшим образом связанным с тщательным штудированием Вольтером экземпляра «Histoire du Paraguay» Шарлевуа (Charlevoix), сохраненного в его библиотеке. С другой стороны, наличие в этой библиотеке множества летучих листков, памфлетов, журнальных вырезок, запрещенных цензурой трактатов и сборников (нередко самим владельцем библиотеки снабженных пометкой «livre dangeereux» и подчас крайне редких, а то и вовсе прежде неизвестных) делает это собрание очень ценным для любого исследователя, занимающегося XVIII веком, хотя бы его интересы лежали вне изучения непосредственно вольтеровских тем. По сравнению с этими сторонами дела отступает на второй план даже весьма солидная специально библиотековедческая значимость книг, собранных Вольтером.

Все сказанное выше о ценности рукописного и книжного фонда Вольтера нуждается в одном существенном уточнении: наиболее научно содержательным элементом этого фонда является все же не само собрание книг и не рукописи, но именно читательские пометки Вольтера. Их множество, начиная от наспех за-

сунутых, из случайно подвернувшегося материала, – соломинки, кусочка воска, волоска, игральной карты, обрывка конверта – вплоть до тщательно вклеенных секретарем полосок с сигналами о наличии на данных страницах вольтеровских *notes marginales*, т. е. текстовых пометок на полях. Тут и более чем выразительные выпады Вольтера с развернутой полемикой на полях книги и безмолвно загнутые углы страниц или загадочные отметки в виде крошечных, в несколько квадратных миллиметров, уголков бумаги, непрочно приклеенных слюной посреди текста. В невероятном разнообразии (среди которого лишь после долгого изучения нам удалось подметить своего рода систему и различить до трех десятков разных способов отмечать нужное место) эти следы чтения Вольтера наблюдаются примерно на одной трети всего семитысячного фонда. Они глубоко различны не только по внешней форме или по своему литературному воплощению, но и прежде всего по содержанию.

Кое-что среди этих маргиналий было в XIX веке издано, но весьма немногое, хотя и существенное, как, например, пометки Вольтера на «Общественном договоре» и на «Рассуждении о неравенстве» Руссо²⁹.

Сопоставим маргиналии на «Истинном смысле системы природы»³⁰ с пометками на трагедии Кребильона-отца «Атрей и Тиэст»³¹. В первом случае мы увидим чрезвычайно вежливую и, при всей непримиримости, спокойную полемику Вольтера против атеизма, во втором – безудержную брань и пристрастнейшее развенчивание ложноклассической риторики, чередующееся с издевкой над драматургической беспомощностью автора – соперника Вольтера по успехам на сцене. Здесь весьма поучительно все, начиная от различия тона и манеры, но, разумеется, предстоящая в ближайшем будущем публикация этих маргиналий³² в первую очередь обогатит нас именно свежим материалом по существу таких краеугольных вопросов, как деизм Вольтера или его эстетические позиции.

Что же именно гарантирует новизну и особую убедительность этого, еще столь мало использованного источника, – маргиналий Вольтера? Крайне импульсивный читатель и темпераментный общественный деятель, Вольтер был, как известно, крайне осторожен в своих гласных выступлениях. Общеизвестно, что в его частной переписке встречаются оценки людей, фактов и теорий, значительно более резкие и отчетливые, нежели в специальных статьях и т. п. Переписка Вольтера поэтому – ценнейший корректив к иным его высказываниям, нередко обусловленным не только боязнью цензуры, но и прямыми соображениями конспирации; однако кому бы Вольтер ни писал, он почти наверное знал, что его слова в большей или меньшей степени станут достоянием публичности.

²⁹ Cardet, Edouard V. T. Une visite à l'Ermitage (Le Discours sur l'inégalité des conditions et le Contrat social annoté par Voltaire) // Bulletin du Bibliophile et du Bibliothécaire (J. Techener). Paris, 1860. P. 1519–1543.

³⁰ Le vrai sens du Système de la nature, oeuvre posthume de M. Helvetice a Londres, 1774.

³¹ Oeuvres de M. Crébillon, de l'Académie Française. A Paris : De l'Imprimerie Royale, 1750. T. 2.

³² В сб. «Вольтер», подготовляемом Ленинградским государственным университетом.

И поэтому не в письмах последнее приближение к истинным оценкам, сокровенным убеждениям Вольтера. Иное дело – заметки на книгах.

Непосредственность реакции, полное отсутствие страха гласности и цензуры, свобода формы – все это такие решающие факторы, что они позволяют именно среди маргиналий искать конечные аргументы в застарелых, казалось бы, безнадежных, спорах. Так, о подлинной социальной природе вольтеровского деизма несравненно более любого тонкого построения говорят маргинальные пометки, вроде «*la populace est une bête féroce qu'il faut enchaîner par la crainte de la potence et de l'enfer*» (т. е. «чернь – хищный зверь, которого необходимо сковывать страхом виселицы и ада») или – специально о вере в бога – «*non, c'est un frein*» («нет, это – узда»). А когда скрупулезный анализ вскрывает на одних и тех же страницах Кребийлона наслоение двукратного чтения с большим хронологическим интервалом или когда мы с неподражаемой явственностью видим, как Вольтер постепенно все более распаляется при чтении Беллуа, пока не отбрасывает книжку со словами: «*Va, tu m'ennuies trop!*» («поди ты, ты мне слишком надоел!») – мы узнаем нечто большее, нежели примеры возбудимости природы Вольтера: то внутреннее его отношение к эпигону ложноклассического театра и к одному из начинателей мещанской драмы, которое доньше выступало лишь весьма – подчас до неузнаваемости – завуалированным.

Далеко не исчерпав характеристики разносторонних ценностей этого неповторимого фонда, мы можем, думается, с уверенностью утверждать, что на нынешнем этапе вольтероведения без привлечения ленинградских материалов немислимо творческое плодотворное решение каких бы то ни было достаточно широких проблем изучения Вольтера.

Таким образом, первейшей задачей советской науки в области вольтероведения должно явиться раскрытие и освоение наших вольтеровских фондов.

Что же сделано и что предстоит сделать для этого? Каковы объективные показатели изученности библиотеки Вольтера?

Здесь прежде всего нужно подчеркнуть значение работ, предпринятых хранильницей этого фонда – Государственной Публичной библиотекой имени Салтыкова-Щедрина.

Старый, черновой, более чем примитивный каталог, наспех набросанный еще в Ферне самим владельцем библиотеки и, главным образом, его секретарем, затем каталоги, составленные в 20-х годах XIX века и в 1839 году в Эрмитаже, и, наконец, инвентарь 1862 года, связанный с моментом передачи Вольтеровских книг из Эрмитажа в Публичную библиотеку, – вот и весь аппарат, которым мы располагали для суждения о составе библиотеки. Аппарат крайне недостаточный и неудовлетворительный, даже независимо от тех специфических трудностей, которые вызываются прежде всего наличием следов чтения, всякого рода вклеек, обширных рукописных компонентов, а также и особой пестротой состава библиотеки: с одной стороны, наличием в ней ряда исключительно редких изданий, не известных библиографическим справочникам, а с другой стороны – так называемых *Pots-pourris* (Попурри). «Попурри» – это около двух сотен искусственных сборников, в которые Вольтер объединял брошюры, части книг, вырезки

из журналов и т. п. либо по занимавшим его темам («Женева», «Религия», «Театр»), либо по мере накопления. Поэтому основной задачей Публичная библиотека поставила себе полную рекаталогизацию библиотеки Вольтера. Работа эта, начатая еще в 1932 году по плану и при руководящем участии М. Л. Лозинского, естественным образом не могла вестись поспешно, так как требовала попутного разрешения множества практических и методических вопросов. Пришлось, между прочим, произвести полный постраничный просмотр всего состава, реставрировать множество закладок, составить охранную опись всех следов чтения. Был произведен учет всех читательских пометок Вольтера с разбивкой их на несколько важнейших категорий. Публичная библиотека особо осторожно подходила к этому делу, проводившемуся при постоянной консультации таких авторитетных знатоков как Б. Р. Зельце и О. П. Захарьина. Непосредственные создатели каталога Д. С. Крым и З. Д. Иванова почти закончили подготовку каталога к печати, рассчитывая на его издание еще в 1941 году. Но война потребовала эвакуации Библиотеки Вольтера, блокада Ленинграда стоила жизни Д. С. Крым, и на два с лишним года работа над каталогом была прервана. В настоящее время она близится к завершению. В каталоге будут отменены все экземпляры с читательскими пометками Вольтера. При этом самый каталог задуман лишь как часть целой «Вольтеровской серии ГПБ», в других выпусках которой будут даны: 1) монография о вольтеровских фондах Публичной библиотеки, включающая историю Библиотеки Вольтера; 2) систематический указатель к алфавитному каталогу Библиотеки Вольтера; 3) научное описание ее рукописей; 4) многотомный «*Корпус маргиналий*»³³.

Помимо Публичной библиотеки, мы обладаем теми или иными вольтеровскими материалами в ряде других собраний: в Академии Наук СССР – в ее Архиве, в Институте истории, в Институте литературы, в Театральном музее им. Бахрушина, в Государственном историческом музее, в Театральной библиотеке им. Луначарского, в Одесской публичной библиотеке, в Томске и др. Как раз наиболее разрозненные материалы обычно либо оказываются автографами или копиями уже прежде известных текстов, либо недолго ждут публикации; более же компактные их массы сулят сюрпризы и труднее поддаются изданию. Огромное большинство этих материалов – письма; текст их был нами сличен с изданным, и соответствующие уточнения опубликованы³⁴. Но здесь же нужно назвать сборник писем Вольтера к семье его ближайшего друга – д'Аржанталь, хранящийся в Ленинграде, в Институте истории Академии наук, в составе Во-

³³ Издавать маргиналии нужно, по нашему мнению, полностью, с подробным описанием их и с приведением текста, к которому они относятся, и притом крупными тематическими комплексами (напр., «Вольтер и деисты», «История», «Естественные науки», «Трагедия» и т. п. Ср.: Havens George. *Voltaire's marginalia on the pages of Rousseau. A comparative study of ideas.* Columbus, Ohio, 1933, X, 199 p. (The Ohio State University Studies. Graduate School Series. Contributions of languages and literature, № 6). См. его же: *Voltaire's marginal comments on Rousseau // The South Atlantic Quarterly.* 1932. Vol. 31, № 4, Oct. P. 408–416. Ср.: *Les notes marginales de Voltaire sur Rousseau // RHL.* 1933. № 3. P. 434–440.

³⁴ Русская культура и Франция. Т. 1. С. 184–200.

ронцовского собрания. Совершенно незаурядно значение этих 178 писем, из которых 19 вовсе не были известны, 84 печатались с незначительными искажениями, а 48 вошли в издания неузнаваемо искаженными (с разбивкой одного письма на два или на три и, наоборот, со слиянием нескольких – до четырех! – писем в одно письмо, с перестановкой абзацев, заменой дат, смысловым искажением и т. п.), и, следовательно, лишь 27 были ценны только тем, что подтверждали существующую традицию текста. Письма эти весьма важны по своему содержанию – и отнюдь не только в биографическом плане, но и для изучения творческой истории ряда произведений Вольтера 30-х и 40-х годов, для освещения сценических замыслов и политических воззрений Вольтера и т. п.³⁵

Изучение и обнаружение вольтеровских фондов СССР – лишь одна из задач советской науки в области изучения Вольтера.

Именно на нашей исторической и литературоведческой науке лежит решение некоторых очередных вопросов, без чего невозможен прогресс в научном познании Вольтера.

Нашей науке, как науке русской, надлежит охватить во всей широте комплексную проблему русских интересов и симпатий Вольтера, его русских знакомств, связей и т. д.

Нашей науке, как науке советской, т. е. передовой и вооруженной наиболее совершенным методом познания диалектики общественного развития, надлежит дать верную ориентировку в основных вопросах социального и философского порядка, практической и общественной деятельности Вольтера, его посмертного влияния.

Не развертывая в настоящей статье перечня конкретных исторических или литературоведческих вопросов и не характеризуя позиций, с которых они обычно трактуются, подчеркнем, что, как и в любой отрасли знания, задача здесь разрешима лишь при улучшении методики работы и привлечении нового материала.

Для того и для другого наши ученые располагают богатыми возможностями.

Люблинский В. С. Вольтер в советских фондах // Вольтер : ст. и материалы. – М. ; Л., 1948. – С. 317–337.

³⁵ Ср.: Там же. С. 68 и, особенно, «От редакции» (с. IV).